

Андрей Лазарчук

Колдун

Здесь лес раздавался вправо и влево, открывая невысокому северному солнышку зеленый сочный луг с медлительными пятнистыми коровами на нем, стога запасенного впрок сена и изгородь, широко обнесенную вокруг дома, добротного и двухэтажного, где жили Освальд и отец Освальда, а по другую сторону дома тихо стоял пруд, светлый по утрам и непроглядно-черный после полудня, когда на воду надвигалась тень тысячелетних дубов, и дальше, в вечной уже тени тех дубов, лежало тяжелое замшелое тело плотины, останавливающее на время бег воды, и вода, прокатываясь по обросшему зеленым нежным шелком желобу, лилась в ковши мельничного колеса и в тех ковшах тихо спускалась вниз, в постоянную прохладу и полумрак у подножия плотины, в заросли осоки, мокролиста и конского щавеля, и дальше продолжала свой бег незаметно, кроясь за ивняком и черемухой, пока, слившись с другими такими же ручейками и речками, напитавшись подземными ключами, не обретала силу и имя реки и уже с силой и именем, достойно, входила в спокойную и полноводную в любое время года реку Лова, разделявшую пополам

уездный город Капери, город, в котором есть все, даже железная дорога, и по понедельникам и четвергам от перрона отходят составленные из пассажирских и товарных вагонов поезда, идущие в портовый город Скрей, где у причалов стоят черные и белые пароходы со всех морей, а по средам и субботам поезда возвращаются обратно, и тогда на вокзале становится шумно и тесно, и все такси города Капери собираются на привокзальной площади, дымя и пофыркивая, и развозят приехавших по домам и гостиницам, а если кому-то надо попасть в близлежащие села и хутора, то им никогда не отказывают, но берут довольно большие — по здешним меркам — деньги; с хуторов же приходится добираться своим ходом, и отец Освальда, сложив в деревянный, с навесным замочком чемодан кой-какие пожитки, зашив деньги за подкладку и сунув в заплечный мешок каравай хлеба, копченый окорок и четверть домашней можжевелевой водки, пешком дошел от дома до хутора Бьянки Пальчековой и там договорился с Бьянкой, что ее работник, китаец Лю Шичен, за два динара доведет его на бричке до вокзала, а на обратном пути прихватит ветеринара, потому что у свиней третий день понос; Лю был молчалив, и они катили мило за милей, ни о чем не говоря, и отец Освальда с грустью смотрел, как остаются позади родные места и начинаются

неродные — граница их была четкая, и даже сердце остановилось и пропустило два или три удара, когда ее пересекали; на вокзале он сел в поезд, и Лю был последним из знакомых Освальду людей, которые его видели.

Через две недели почтальон Бруно принес Освальду письмо. В письме отец просил прощения за свой уход и за то, что забрал большую часть наличных денег. Дальше он извещал Освальда, что купил полбилета на пароход «Глория», идущий на Таити с грузом цветных ситцев и стеклянных бус; оставшуюся неоплаченной половину билета он будет отрабатывать в дороге, нанизывая бусины на нитки. Освальд прочитал письмо и заткнул его за висящую в комнате отца картину в рамке: пальмы, прибор и голые негритянки, купающиеся в приборе.

К Освальду часто заглядывал сын старосты, Шани, с ним Освальд когда-то учился в приходской школе, потом, в тринадцать лет, Освальд стал работать с отцом на мельнице, а Шани отправили в гимназию в Капери, но из последнего, выпускного класса его выгнали без аттестата — за неуспеваемость и чересчур откровенную связь с уборщицей. Теперь Шани приторговывал в лавке своего дяди, ездил за товарами по многим местам, имел много приятелей и подружек, но Освальд чем-то его притягивал — Шани рассказывал ему свежие сплетни и все порывался сводить к девкам,

но Освальд упирался и мотал головой. Идти к девкам он боялся. Он вообще их боялся.

Однажды Шани пришел и сказал, что объявлена мобилизация и что завтра в село приезжает мобилизационная команда и медицинская комиссия, будут всех проверять, и чтобы не попасть под ружье, надо дать хабара. Освальд отдал Шани десять золотых десятков и серебряные часы-луковицу с боем. На следующий день, ближе к вечеру, он приехал в село. На площади перед управой былолюдно и шумно. Стриженные парни толпились в обнесенном веревкой с красными флажками загончике, по углам которого стояли часовые с короткими ружьями. Комиссия работала в пятнистой брезентовой палатке с большим красным крестом. Освальда и еще девятерых парней впустили внутрь и заставили раздеться догола. Им заглядывали в рот и в задницу, ощупывали руки и ноги, били по коленкам резиновым молоточком, выворачивали веки, что-то шептали, и надо было повторить. Потом всем раздали картонные квадратики. На картонке Освальда было написано большими буквами:

«К ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ НЕПРИГОДЕН».

А ниже: «плоскостопие». Шани ждал его у входа. Воздух вне палатки был необыкновенно вкучный, как вода в жаркий день.

— Нормально? — спросил Шани.

— Ага, — сказал Освальд. — Пойдем пить водку.

— А может, к девкам? — предложил Шани.

— Посмотрим, — сказал Освальд, хотя знал, что не пойдет.

— Эх, ты, — сказал Шани. — Ни в пизду, ни в армию. Какая от тебя польза для человечества? Этого Освальд не знал.

Они напились как свиньи. Последнее, что Освальд помнил, это как они с Шани, поддерживая друг друга, дурашливо махали вслед уходящей колонне.

Через три дня объявили, что война началась. У Освальда прибавилось работы: все хотели поскорее смолоть остатки прошлого урожая. Были дни, когда возле мельницы собирался табор телег в сорок. Освальд нанял старого глухонемого Альбина, умевшего все, чтобы он работал ночами. Для освещения приспособили динамо-машину и фару от велосипеда. Сельская управа каждый день отряжала трех мужиков для погрузки-выгрузки. Потом пошло зерно нового урожая. Так продолжалось до декабря, до ледостава. За зиму от отца пришло еще два письма, короткое и длинное. В коротком он писал, что жив и здоров, чего желает и Освальду, что сейчас темно и вокруг океан, что два дня назад вышли из Танжера, засыпав бункера

углем по самые бимсы, и теперь бояться нечего. Во втором, длинном, письме он рассказывал про странный остров в Индийском океане, остров, вечно окруженный туманами и поэтому попавший не на все карты. Люди там живут рослые, смуглые и красивые, и все поголовно счастливы, потому что такой мудрой системы правления нет нигде: раз в полгода все жители, достигшие четырнадцати лет, участвуют в лотерее, где разыгрываются королевский титул, титулы советников и придворных, жрецов и судей, а также все прочие сколько-нибудь заметные места в государстве, вплоть до сутенеров, которые там не преступники, а уважаемые предприниматели, потому что проституция на острове является важнейшим источником поступления иностранной валюты; а чтобы придать остроту лотерее, подсыпать в это дело перчику, разыгрывается еще и десять мест в камерах приговоренных к смерти; как правило, новый король, взойдя на престол, объявляет им помилование, но случается, что его отвлекают другие дела... Однажды, в канун Рождества, — Освальд уже встал и начинал топить печь — донесся откуда-то многоголосый звенящий гул. Освальд оделся и вышел из дому. Светало. В небе над ним, ярко высвеченные не взошедшим еще солнцем, вились самолеты. Их было видно очень хорошо: три больших восьмимоторных ползли

медленно-медленно, а вокруг них кружились, как пчелы, десятка полтора маленьких. Потом, перекрываясь и накладываясь, стали доноситься другие звуки: будто там, в небе, рвали на полосы крепкие простыни. Два маленьких самолетика закувыркались и упали далеко отсюда. Потом еще один плавно пошел вниз, волоча за собой тонкий розовый шлейф. Самолеты были теперь точно над домом. Освальд подумал, что если сейчас какой-то из них упадет, то упадет прямо сюда, на него. Захотелось убежать, но убежать он не стал — бесполезно. Несколько маленьких — пять или шесть — отошли в сторону, развернулись и бросились на большие. Другие маленькие оказались на их пути, снова раздался треск разрываемых полотнищ, и сразу четыре самолетика, загоревшись, стали падать в разные стороны, рисуя в небе огромный светящийся крест. Наверное, кто-то из нападавших прорвался все-таки к большим самолетам, потому что крайний слева стал оставлять за собой в небе след, все более густой и темный, и через несколько секунд он полыхал весь, как сарай на ветру; он еще шел следом за остальными, но потом вдруг завалился набок и, скользя, как с горы, рухнул со страшным, сотрясшим землю грохотом, и там, где он упал, встала багровая, клубящаяся туча. Только потом Освальд заметил, что в небе, под черным следом